

Рука Цзин Хуайюя заняла от зверской хватки Ян Е, но он лишь молча стиснул зубы. Слегка повернув голову и вглядываясь в лицо собеседника, он негромко спросил:

— Маркиз, вы ранены. Позвольте перевязать вам руку?

Ян Е был мертвенно-бледен. Он тупо уставился на Цзин Хуайюя, словно в забытьи, и лишь мгновение спустя медленно разжал пальцы. Его голос, похожий на колыхание тончайшей паутинки на ветру, прозвучал совсем невесомо:

— Мертв?.. Неужели умереть... так просто?

Пользуясь моментом, Цзин Хуайюй незаметно отступил на безопасное расстояние. Но Ян Е вдруг криво усмехнулся, и на его лице проступила зловещая улыбка:

— Ян Тао лжет. Гнусный, паршивый лжец! Ладно я — мне по статусу положено лукавить, но этот ублюдок, как-никак, правитель Поднебесной! Как он смеет так нагло врать? Между ним и Лин Шу явно творится что-то нечистовое. Будь Лин Шу мертв на самом деле, разве усидел бы этот пес на своем троне так спокойно? Да он бы уже метался как ошпаренный! Я сейчас же отправлюсь в Далисы и все там переверну. А если его там нет, значит, этот паршивый императоришка спрятал его во дворце!

Бормоча это под нос, Ян Е рванулся к выходу, но Цзин Хуайюй, набравшись смелости, ухватил его за широкий рукав:

— Маркиз, помилуйте, на улицах уже ввели комендантский час, патрули лютуют! Не губите дело из-за секундного порыва. Идти сейчас в Далисы или, тем более, пробираться во дворец — форменное безумие. Умоляю, успокойтесь!

Ян Е и сам прекрасно понимал, чем рискует. Просто секунду назад, ослепленный страхом и яростью, он не соображал, что делает. Слова Цзин Хуайюя подействовали как ушат ледяной воды: Ян Е заставил себя остановиться. Лицо его снова сделалось суровым и собранным, и лишь пальцы мелко, предательски дрожали. С трудом сдерживая бурю в душе, он взял протянутый платок и наскоро перевязал израненную правую ладонь.

Цзин Хуайюй, украдкой наблюдая за его мимикой, цинично усмехнулся про себя: «Ишь как разыграл безутешную любовь. На него совсем не похоже. Или в этот раз все взаправду?»

Осторожно, словно прощупывая почву, он спросил:

— И когда же маркиз планирует поднять войска на штурм?

Ян Е одарил его косым взглядом и тонко, почти ласково улыбнулся:

— А вот об этом, помощник министра Цзин, вам беспокоиться не стоит. Вы у нас человек утонченный, благородный, словно небожитель. Нечего вам руки марать в этой кровавой резне. Сидите тихо в своей усадьбе и ни о чем не думайте, а уж о вашей безопасности я позабочусь лично — приставлю верных людей.

Он снова опустился на стул. Душа его металась, захлебываясь тревожными предчувствиями, и понадобилось немало времени, чтобы вернуть бывшее хладнокровие. В конце концов, мертв ли Лин Шу на самом деле или Ян Тао просто блефовал, метаться по городу сейчас бессмысленно. Пока Лоян не окажется в его руках, совершать глупости нельзя.

На следующий день к северу от Лояна вновь закипел бой: мятежники сошлись в яростной схватке с Центральной императорской гвардией под командованием Вэй Мэндо. Бэйчэнь Цин, несмотря на недолеченные раны, держался в седле с прежней грозной статью. Его отряды наступали неумолимо, шаг за шагом тесня противника. Оборона Вэй Мэндо трещала по швам, и после трех дней отчаянного сопротивления верные императору войска были вынуждены отступить под защиту городских стен Лояна.

Наскоро отчитавшись перед императором во дворце, Вэй Мэндо поспешил на крепостные валы, спешно укрепляя оборонительные рубежи. Он во что бы то ни стало вознамерился продержаться до подхода подкреплений. Однако спасительное войско задерживалось. Вскоре пришло известие от Лян-вана: в пути его светлость внезапно занемог, из-за чего продвижение армии замедлилось, и к столице они явятся еще нескоро. Получив эту весть, Вэй Мэндо грязно выругался сквозь зубы, но поделать ничего не мог.

На сей раз паника охватила и простых горожан. Вновь вспомнилась загадочная песенка, что звенела по улицам последние дни, и по углам поползли тревожные, смутные толки. И хотя величественные чертоги Империи Да Янь были надежно отгорожены от шумных рынков толстыми стенами и резными ширмами, крамольные слухи в конце концов долетели до ушей Ян Тао. Император в ярости разбил очередной драгоценный кубок. Но, понимая, что гнев делу не поможет, а бунт в столице сейчас опаснее мятежников, он скрепив сердце повелел издать указ, призывающий народ к спокойствию.

Но в предчувствии неизбежной бури глупо было надеяться на здравый смысл. Люди жили в постоянном страхе. На улицах вспыхивали стихийные беспорядки. Те, кто побогаче или попредусмотрительнее, спешили вывезти чад и домочадцев подальше от войны. Поскольку мятежные полчища стояли на севере, у южных ворот Лояна ежедневно разыгрывались дикие сцены: толпы осаждали проходы, стража пыталась сдерживать напор, повсюду звенела ругань и вспыхивали потасовки.

Прослышав о беспорядках, Ян Тао отдал суровый приказ: запереть все ворота наглухо. Отныне никто не мог покинуть город без личного императорского указа. Внутривенные патрули были усилены втрое — тяжелая поступь кованых сапог раздавалась на улицах и днем, и ночью. Любого, у кого не оказывалось при себе документов или чье поведение казалось подозрительным, без лишних расспросов волокли напрямик в казематы Небесной тюрьмы.

Лишь когда армия Ян Си окончательно зажала Лоян в железные тиски осады, горожане

окончательно пали духом, смирившись со своей участью.

И вот настал день штурма. Под началом Бэйчэнь Цина полки Ян Си ринулись на приступ. С рассвета до глубоких сумерек не утихал оглушительный рев тысяч глоток, прерывающийся предсмертными криками. Оборонявшиеся без усталости катили со стен тяжелые валуны и бревна, круша осадные лестницы и мостки. Земля у подножия стен покрылась горами окровавленной плоти, но Бэйчэнь Цин, казалось, не замечал чудовищных потерь. Восседавая на вершине высоченной передвижной башни, он твердой рукой направлял атаки, одновременно пристально вглядываясь в то, что творилось по ту сторону городских стен.

Три дня и три ночи продолжалась эта кровавая баня. Силы воинов с обеих сторон были на исходе. На исходе первого дня десятого месяца грохот боевых барабанов наконец сделался реже, выбивая неспешный ритм старинного марша. И вдруг по знаку Бэйчэнь Цина все тяжелые литавры одновременно ударили трижды. Гулкий, раскатистый рокот заставил содрогнуться землю под ногами — этот звук эхом разнесся по обе стороны стен. Сразу после этого прозвучал приказ отступить в лагерь.

За эти трое суток защитники города под началом Вэй Мэндо измотались до предела. Стоило осаждающим отойти, как генерал велел уцелевшим воинам использовать передышку для сна. За стенами воцарилась зловещая тишина, нарушаемая лишь редким шелестом разодранных знамен среди гор трупов да криками ворон, круживших в темном небе в поисках поживы.

Ян Е, все эти дни вынужденный отсиживаться в усадьбе Цзин Хуайюя, извелся от нетерпения. На улицах лютовали патрули, и он, боясь провалить все дело, не позволял своим людям высовывать нос наружу. Но услышав три финальных удара барабана, он понял:

«Пора!»

Цзин Хуайюй сидел напротив него, неторопливо потягивая чай. Ян Е легонько постучал пальцами по столу и как бы невзначай спросил:

— В последние дни у стен творится сущий ад. Когда ты был во дворце, как реагировал наш августейший кузен?

Цзин Хуайюй опустил пиалу:

— Маркиз, ваш покорный слуга не присутствовал на утренних аудиенциях. Его Величество изволил подхватить сильную простуду, посему государственные дела были временно отложены. Вы спите до полудня, оттого и не ведаете. Лишь сегодня на рассвете государь призвал нескольких советников в Юйшуфан. Он говорил с нами из-за плотной ширмы, отдав несколько распоряжений касательно обороны Лояна и приказав во всем содействовать генералу Вэй. Голос его звучал глухо и хрипло, совсем не так, как обычно. Должно быть, недуг еще не отпустил его.

Ян Е нахмурился, в его душе зашевелились недобрые подозрения:

«Простуда? Или искусный спектакль? С каких это пор наш изнеженный императоришка отменяет аудиенции из-за легкого насморка?»

Цзин Хуайюй промолчал, лишь вежливо улыбнувшись в ответ. Ян Е резко повернулся к нему и произнес с предельной серьезностью:

— Помощник министра Цзин, сегодня первая ночь десятого лунного месяца. На небе ни зги, новолуние. После полуночи добропорядочные граждане носа на улицу не высунут — время для разгула нечисти. Но нам, заговорщикам, чьи головы уже практически отделены от плеч, некогда верить в призраков. Те три удара барабана, что подал Бэйчэнь Цин, были условным сигналом. Мы выступаем сегодня ночью.

— Что ваш покорный слуга должен сделать для вас, маркиз? — спросил Цзин Хуайюй.

Ян Е хмыкнул:

— Раз уж мы зашли так далеко, давай начистоту. Ты пообещал служить князю Чжао, но я по природе своей подозрителен и мелочен. Вдруг в тебе внезапно проснется совесть и ты побежишь спасать своего паршивого повелителя? Я неделями гнил в твоей усадьбе, даже не зная, жив ли еще мой ненаглядный Лин Шу! И теперь я не позволю делу сорваться в последний момент. Всю ночь около тебя будут неотлучно находиться двое моих стражников. Что бы ни творилось на улицах, сиди тихо, не пытайся выйти и не делай глупостей. К утру, когда все закончится, ты станешь верным соратником нового государя, и пути назад у тебя уже не будет. Впереди тебя ждут почести, власть и безбедная жизнь. Согласен на такое скромное условие?

Цзин Хуайюй поднялся со стула и изящно поклонился. Каждое его движение дышало благородством, а взгляд оставался мягким и искренним:

— Забота маркиза о моей скромной персоне — великая честь. Верю, что вскоре мы станем служить одному престолу. Надеюсь на ваше покровительство в будущем, господин маркиз.

Ян Е дружески похлопал его по плечу и рассмеялся:

— А ты и впрямь умен и гибок как тростник! Оставь церемонии. Договорились.

Он подозвал троих преданных телохранителей и скомандовал:

— Нянь Вэй, Чжунли Чжэнь — оставайтесь здесь караулить хозяина. Сяо Бай, быстро переодевайся в ночное платье. Наша первая цель — императорский арсенал Лояна!

Улицы вымерли, даже патрульные отряды встречались все реже. Повсюду кружился серый пепел — остатки сожженной поминальной бумаги, которые холодный ночной ветер подхватывал и закручивал в жутковатом танце.

Ступая бесшумно по ковру из пепла, они пробрались к зданию столичного арсенала. Бай Тинби вскинул руку и запустил в небо сигнальную ракету, издавшую тонкий, пронзительный свист. Почти сразу же с другой стороны взлетела ответная ракета — это Вэй Линьсянь подал знак укрывавшимся в городе отрядам Армии Разорения Лояна. Сигнал передавался дальше, из квартала в квартал. Из кромешной тьмы начали бесшумно соскальзывать фигуры в темных одеждах, стягиваясь к арсеналу, словно полчища потусторонних теней в ночь поминовения усопших.

Ранее Ян Е условился с Янь Фэном, что подробный план арсенала и связка ключей будут спрятаны в дупле старой шелковицы на заднем дворе Храма Великого Будды, что на юге города. На том чертеже с точностью до шага были указаны все посты охраны, секреты и засады.

С тех пор как пала застава Тунгуань, на воротах Лояна шел жесточайший досмотр. Почти тысяча воинов Армии Разорения Лояна пробиралась в город без оружия, переодевшись торговцами и крестьянами. Зато теперь, оказавшись у дверей арсенала, они почувствовали себя словно драконы, дорвавшиеся до океанских глубин. Ян Е четко распределил задачи: штурмовые группы нападали бесшумно, сперва обезоруживая караульных, а затем перерезая им глотки. Крепкие дубовые двери и кованые запоры не помогли защитникам — у Ян Е были ключи от всех галерей. Большую часть охраны к тому же давно перебросили на крепостные стены, так что оставшиеся сонные караульные даже не успели понять, что происходит. Не прошло и четверти часа, как все посты и засады были безжалостно ликвидированы.

Ян Е тут же отдал новый приказ:

— Живо разбирайте тяжелые самострелы, зажигательные стрелы и клинки! Рассыпьтесь по Лояну и подожгите его со всех концов. В открытый бой не вступать, обходить патрули. Но если кто встанет на пути — режьте без пощады. Через полчаса сбор у Ворот Вечного Процветания! — Он обернулся и посмотрел на ломящиеся от снаряжения стеллажи. — А этот гадюшник спалить дотла. Не хватало еще, чтобы недобитые императорские гвардейцы укрылись здесь и держали оборону.

Вэй Линьсянь негромко вздохнул:

— Жаль такую добычу...

— Брось, — отмахнулся Ян Е. — Ян Тао вечно носился со своими книжками и презирал ратное дело. Казна выделяла на арсеналы сущие крохи, хорошего оружия тут раз-два и обчелся. У старого князя Цэня запасы в сто раз богаче, так что нечего жалеть этот хлам.

Миг назад эти люди казались безоружной и мирной толпой, теперь же, превратившись в

грозное, превосходно снаряженное воинство, они стремительно растворились в лабиринтах ночной столицы.

В небо над Лояном взметнулся первый столб яростного пламени со стороны арсенала. Вскоре пожары вспыхнули сразу в нескольких кварталах. Паника среди населения нарастала подобно снежной лавине, и в считанные минуты хаос охватил весь город.

Получив глухой ночью известие о бунте, Вэй Мэндо похолодел от дурного предчувствия. Он бросился к крепостной стене и в несколько прыжков взлетел на надвратную башню. Представшая картина ужасала: Лоян пылал, улицы тонули в едком дыму, сквозь который доносились лязг железа, предсмертные хрипы и истошные крики мечущихся обывателей, безуспешно пытавшихся тушить свои дома.

Генерал на мгновение задумался, а затем скомандовал адъютанту:

— Срочно стянуть дополнительные силы к императорскому дворцу, покой государя превыше всего! Немедленно доложи Его Величеству о мятеже в городе и проси дозволения задействовать бойцов Внутреннего лагеря Хэнлу и гвардии Ичжэнь для подавления беспорядков!

Адъютант со всех ног бросился выполнять поручение. В этот же миг со стороны северных ворот вновь донесся оглушительный рев катапульта и крики нападающих. Бэйчэнь Цин пошел на новый приступ, бросив в бой тяжелые станковые самострелы, тараны, стенобитные орудия и крытые осадные телеги. Ночной натиск по своей ярости превосходил все дневные атаки вместе взятые.

Вэй Мэндо слушал донесения, не отрывая взгляда от бушующего моря огня. По обе стороны стен — в самом городе и за его пределами — бушевало пламя, ржали кони и кричали люди. Между тем отряды мятежников, действовавшие внутри Лояна, стремительно приближались к крепостным валам. Их было немного, но двигались они со смертоносной грацией, сложенно и молниеносно. Это были не обычные ополченцы, а элитные убийцы.

Но худшее ждало впереди. Запыхавшийся адъютант вернулся и, едва переводя дух, доложил:

— Генерал! Его Величество отказался принять меня и не дал приказа вывести Внутренний лагерь Хэнлу и гвардию Ичжэнь! Более того... я успел осмотреться во дворце. Окрестности охраняют лишь наши парни из Центральной императорской гвардии. Похоже, ни бойцов Внутреннего лагеря Хэнлу, ни гвардии Ичжэнь там вообще нет!

Вэй Мэндо со всей силы опустил ладонь на парапет, в крошево разбив обожженный кирпич. Из его груди вырвался тяжелый, исполненный безысходности вздох.

Помощь из дворца так и не пришла, зато у надвратной башни появился Ян Е со своими головорезами. Прорубив себе дорогу сквозь ряды защитников, он ступил на верхнюю

площадку. В отсветах бушующего пожара его красивое порочное лицо сияло безумным торжеством:

— Генерал Вэй! Я столько дней гостил в вашей столице, а вы даже не соизволили налить чашу вина дорогому гостю? Как нехорошо!

Не дав Вэй Мэндо вставить и слова, Ян Е зычно крикнул:

— А ну, навались разом! Тому, кто прикончит старого пса Вэй Мэндо — награда в десять тысяч ланей серебра!

С этими словами он выставил вперед копьё и первым бросился в яростную атаку.

<http://bllate.org/book/19546/1998842>